

Зеленый вопрос

В обиходе первую мировую валюту называют «зелень», «грини», а также иными синонимами. Как и многие другие лингвистические привычки, эта играет свою тайную роль. Хотя бы тем, что паразитирует на цвете жизни и ее фундаментальном символе — древе.

Более 100 лет наши предки и современники относятся к природе по-базаровски, как к объекту эксплуатации. В итоге на сегодня сохранность естественных экосистем в РФ составляет 65%, то есть более трети загублено. В Китае не сохранено три четверти естественных экосистем. В Западной Европе — 96%. Такова плата за уют социального бытоустройства, экспансии промышленности и инфраструктуры, урбанизации.

Относительное благополучие в этом рейтинге не должно нас вдохновлять: велика она, Россия. И треть погубленной экосистемы по размеру превышает площади всей Европы, США и Китая по отдельности.

За этим обывательски приятным комфортом стоят два столпа современного мироустройства: 1) привилегированность немногих стран и их населения в потреблении ресурсов планеты и, соответственно, ее загрязнении; 2) опора на грубые промышленные технологии, в последние десятилетия массированно вывозимые из западных стран в другие ареалы, прежде всего в БРИК.

Но их стремительное развитие воспроизводит ту же картину экологической катастрофы, и в еще большем масштабе. И как ни отгораживайся от этого, смертоносная экология приходит к нам повседневно: в питании, воздухе, частотном и радиационном фоне, нервозности социально-психологической среды.

Для иллюстрации: человечество за последний век создало более 30 млн новых веществ, из которых 300 тыс. активно производят и применяют. Из них 3 тыс. — абсолютные яды. Недавно американский суд запретил производство тефлоновых сковородок из-за их канцерогенности. Правда, после 2015 года. А в штате Калифорния уже сейчас запретили продажу так любимых всем миром пепси-колы, кока-колы, Red Bull и Dr. Pepper. Разве не сенсация для потребительского рынка? Разве не показала Калифорния своим законодательным решением тайный смысл рекламного слогана «Бери от жизни все»? Все, включая яд.

Ситуация более удручающая и потому, что «даже если удастся распространить во всемирном масштабе наиболее современные технологии, это даст возможность отсрочить наступление экологического коллапса всего лишь на несколько десятилетий» (Э. Вайцзекер).

И для полноты картины следует сказать, что явное торжество спекулятивно-финансового критерия при принятии решений смещает мировоззренческие кредо современников в сторону от разумности, достаточности, здравости и здоровья. С моделью мироустройства что-то не так. Не только с техникой.

Как метко подчеркивает П. Кругман: «Истинная редкость в современном мире не ресурсы, а понимание».

Что делать? По сути, вариантов-то немного.

1) Самоограничения и отказ от вредоносных возможностей технологического прогресса. Идея не нова. Реализуется и сегодня во множестве общественных порывов и движений. Таит риск «выплеснуть с водой ребенка». Главное, этот вектор набирает и опыт, и силу, и надлежащий технический потенциал.

2) Замена роботами «белковых» преподавателей, инженеров, чиновников, таксистов, нефтепромышленников, бухгалтеров

и многих других работников. Робота легче запрограммировать на желаемый тип поведения, в том числе и щадящий природу. Весьма скоро этот тезис перестанет казаться эпатажным. Сектор автоматизации жизни развивается сегодня феноменальными темпами. По существу, это путь дальнейшего протезирования способности человека. Ведь и экскаватор, и микроскоп, и самолет, и компьютер — протезы, многократно увеличивающие силы человека в его нынешней биосфере.

Риск сценария — бунт машин. Главный риск — ослабление потребности в людях вообще. Слабыми его предвестниками, в том числе из категории неудачных интерфейсов с человеком-оператором, полны новостные ленты наших дней. Высокий уровень безработицы среди молодежи не только в странах арабской «весны», но и в Европе, — тоже отражение именно этого риска, а не только макроэкономических диспропорций.

3) Развитие человека по ноосферному сценарию. В суровые годы войны наш великий соотечественник открывал природу человека как новой геологической силы, как деятельного коллективного разума.

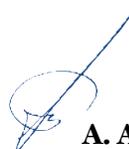
В последующие времена мы убедились в правоте этого умозаключения и его романтичности. Но даже немногих примеров подвижничества, героизма, стойкости духа в несовместимых с жизнью обстоятельствах достаточно, чтобы сохранять оптимизм.

15 лет назад последователь В.И. Вернадского Н.Н. Моисеев в своих «размышлениях пессимистического оптимиста», оппонировав Дж. Кьезе, «прощавшемуся» с Россией, ставя жесткий диагноз впавшей в деградацию стране и сравнивая ее с судьбой австралопитеков, выброшенных из привычного им ареала проживания, мудро отмечал, что не всегда благоприятные условия благоприятствуют успеху. Ниша такая у России — суровая. Но квалификация и образованность нации, способности тех, кто сумел создать высшие технологии в ядерной и космической сфере, умение войти в глобальные технологические сети и, конечно, энергия руководства вполне достаточны, чтобы не только теоретически, но и на практике опровергнуть мрачные прогнозы на будущее.

Характеризуя суть жизни, В.И. Вернадский обозначил ее принципиальное свойство — невозможность существовать в производимых ею отходах. Правда, люди наштамповали тысячи очагов отходов, умудряясь наладить там какое-то существование, извлекая даже баснословные прибыли из этого и сочиняя теории и идеологии, оправдывающие такое состояние. Квинт-эссенция в формуле «Жить будем плохо, зато недолго».

Потому так и принципиален сегодня зеленый вопрос. По-настоящему, а не по-бумажному зеленый. Ведь что молодо, то и зелено.

P.S. Во многом упомянутые сюжеты навеяны дискуссиями на V Астанинском экономическом форуме, особенно докладами О. Кузнецова и В. Петросяна.

A. Ageev

Авторские блоги:
<http://www.ageev.net>
<http://aiageev.livejournal.com>
<http://www.e-xecutive.ru/blog/aiageev>
<http://www.facebook.com/aiageev>
<http://twitter.com/aiageev>